

Борис А. Борисов

**ГИТЛЕР –
ОСВОБОДИТЕЛЬ**

Губернаторы не врут

Борис Борисов

**Гитлер-Освободитель.
Губернаторы не врут**

«Издательские решения»

Борисов Б. А.

Гитлер-Освободитель. Губернаторы не врут / Б. А. Борисов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851713-6

Если вы верите, что губернаторы не врут, музыка облагораживает, шоу это бизнес, а поезда иногда ходят по расписанию, то эта книга для вас. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851713-6

© Борисов Б. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Губернаторы не врут	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гитлер-Освободитель Губернаторы не врут

Борис А. Борисов

© Борис А. Борисов, 2019

ISBN 978-5-4485-1713-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Борис А. Борисов

Предисловие

... Имя главной героини конечно изменено, но не изменён бойкий характер. Её путевые записи оказались настолько бойкие что наша «Крупнейшая Газета» категорически отказались их печатать, Но удержаться и не напечатать нет просто никаких сил, и я публикую их в тайне и под строгим условием чтобы вы никому из журналистского цеха эту книжку не давали и не показывали, а сами они не прочитают, потому что они же у нас писатели а не читатели.

Ну вот, если мы с вами договорились можно и открывать, а если нет – то сразу книжку закрывайте, и збогум.

Я всё сказал, надеюсь, не утомил – Автор.

Губернаторы не врут Письмо позвало в дорогу

Тревожные известия поступили на прошлой неделе в Редакцию из города Клетово Ростовской области. Небольшой бытовой конфликт вывел на улицы сотни людей, привел к настоящей межотрядной напряженности. В дело вмешались правоохранительные органы, депутаты Совета федерации, правозащитники и международные организации. Разобраться, кто же прав, а кто виноват в этой запутанной истории в Клетово выпало корреспонденту газеты «Хомяковская правда» Ю. П. Стечкиной.

Вокзал райцентра встретил московского журналиста красной звездой на золотом шпиле, пронизывающим мартовским ветром, запахом шаурмы и двумя десятками таксистов, деловито осматривающих двух пассажиров скорого поезда на предмет предполагаемой дальности их путешествия, а особенно меня.

– Садитесь, барышня, – предложил мне ближайший извозчик с таким патриархальным смирением, как будто впереди 1917 год, но ещё не скоро, ох не скоро.

– Мне в гостиницу, в самую лучшую – размахнулась я на две тысячи суточных, втайне уверенная, что тут, возможно и этого хватит.

– Как скажете, барышня.

Водитель бережно взял из моих рук дорожную сумку, аккуратно и не слишком торопясь разместил её в багажнике, подвинут ненужное вглубь, утрамбовав при этом ещё более ненужное поглубже, осмотрел сделанное довольным взглядом художника сделавшего последний мазок на новом холсте и любезно открыл мне переднюю дверь. Но наше путешествие не оказалось слишком продолжительным. Машина сделала почётный полукруг по площади и остановилась ровно напротив вокзала у противоположного здания, табличка на котором гласила, что это гостиница «Центральная» и что в этом здании в 1918 году останавливался сам товарищ Артём.

Наученная годами командировок я догадалась, что мы приехали.

– Это самая лучшая? – с недоверием спросила, кося глазом на осыпающуюся штукатурку и посеревшую ещё в прошлом веке лепнину.

– А у нас одна, – извиняющимся тоном сказал водитель, словно это он виноват, что за триста лет истории города второй Гранд-отель так и не построили.

– Заплатите, сколько считаете нужным, барышня.

Я подумала, и отдала сто рублей. Кажется, мой извозчик оказался доволен, не теряя времени быстренько выгрузил мой нехитрый багаж и, совершив дрифт в три оборота на месте (в чем помогла прилегающая к парадному входу в отель лужа), в хорошем ковбойском стиле, со свистом покрывок и паром из-под крыла, всего за пару-тройку секунд встал на то же самое место, откуда только что забрал пассажира, то есть меня. Остальные извозчики, сгрудившись

около старшего, легко определяемого по самым большим в популяции извозчиков усам, с восхищением взирали на маневры крутого дрифтера, и даже покрутили усы в знак уважения. И заработал, и с ветерком прокатился. Орёл!

– Ресторан у нас закрыт до обеда, – строго сказала мне тетенька на каблуках и в халате в цветочек поверх рабочего, – Могу вам налить кипяточка. – Так вы из газеты, насчёт хомяка? – посмотрела она на меня с таким видом, словно знала про меня все заранее – когда я приеду, когда уеду, куда пойду, куда не пойду, и что потом напишу.

Да, вся эта история завершилась вокруг хомяка. И наша газета – «Хомяковская Правда» – конечно, не могла обойти её молчанием. В конце концов, кроме рубрик «Опять схомячили» (про приватизацию и планы нашего родного Правительства), и «Хомячьи радости» – о еде готовке, и кулинарии нужно было ещё чем-то подтверждать своё высокое имя.

На этот момент об истории хомяка я знала ровно столько же, сколько и все остальные. В четверг, на улице Розы Люксембург дом семь, 14 летняя девочка назвала своего хомяка Тёму «толстой жопой», что услышала соседка, активистка известной экологической организации и написала заявление в прокуратуру города о жестоком обращении с животными. Теперь хомяку грозит изъятие из семьи, и – О, парадоксы законодательства! – Но закон суров, возможное усыпление по решению суда, если ему не будут назначен опекун. Страсти разгорелись нешуточные – граждане вначале вдрызг переругались в интернете, истратив весь свой запас обидных кличек, и уже дважды выходили на улицы как в поддержку прав животных на достойное обращение, так и с противоположными, явно экстремистскими лозунгами.

Около памятника Ильичу в центральном парке произошла стычка, во время которой экстремисты – противники прав животных вырвали у экологических активистов плакат «Права животных прежде всего», сломали активистке Карле Лазаревне очки, носимые ей бесшумно с 1956 года, и пообещали вставить этот плакат экологическим активистам в чувствительное место, если увидят их ещё раз «с этим дерьмом». Как говорят, была и вторая драка, покруче, в подворотне, последствия которой ещё более печальны. Из города поступили тревожные известия о двух побитых собаках и пропавшей кошке, после чего в город был направлен полицейский вертолёт и спецназ, но эти факты пока не нашли своего точного подтверждения.

До этого никому кроме товарища Артема и местных жителей неизвестный райцентр попал в фокус внимания: зачастили журналисты, правозащитники, и, как говорят, вопрос на контроле уже у семи-восьми крупных международных экологических и правозащитных организаций. Дело приобрело даже политический окрас. Но наших московских политиков взялась окучивать шустрая не по годам ведущая рубрики «Опять схомячили» Алиса Кучкина, которая уже вязла душещипательные комментарии у Жириновского, Зюганова, Виктории Бони и посла России вна Украине Зугабова, который поведал ей в частности о том, что: *«Резонансное Дело хомяка Тёмы наконец-то объединило россиян и украинцев, показал воочию, что у проблематики прав животных нет границ»*, и также что: *«К посольству России киевские активисты уже несут цветы и мягкие игрушки, в знак поддержки прав хомяка Тёмы и прав всех животных в России на достойное обращение»*. Так что там тоже все очень интересно развернулось, но у меня тут своя поляна.

Первым делом, разумеется, надо в прокуратуру. Здание надзорного органа ничем не выделялось из общего ряда клетовских домов – либо послевоенные, все оштукатуренные и крашенные в желтый цвет, очень красивый, по мнению местных архитекторов, с лепниной,

карнизами и другими фактурными излишествами, либо другие, непонятного возраста коробки красного кирпича, сами напоминающие кирпичи, и сложенные так, что как бы говорили нам за своих неведомых строителей: *«Я не люблю свою работу... Я не люблю свою работу... Чёрт, как же я ненавижу свою работу!»*.

Единственным отличием прокуратуры от окружающих зданий был парадный подъезд, сверкающий новым белым пластиком, стая ворон, рассеявшаяся вокруг прокуроров по верхушкам вековых лип и штук двадцать иномарок разной степени крутизны, оттеняющие обычные для местного пейзажа Жигули, Волги и всякие прочие Дэу.

– Юлия Петровна, из московской газеты? – раздался голос изнутри красного Рендж-Ровера, машины с плоской и широкой мордой, припаркованного на самом козырном прокурорском месте.

Я помяла айфон в руках в знак согласия. Из джипа вышел прокурор, как две капли лицом похожий на свой автомобиль, разве что лицо прокурора было немного менее красное, но потом оказалось, что это только пока.

– Наш отдел проводит служебную проверку по этим фактам, – не ожидая от меня никаких вопросов включил третью передачу прокурор. – Я руководитель Отдела прокуратуры по Ростовской области, Веритасов, Олег Плахович, проверку проводит наш сотрудник Крысин Леонид Юсупович. Дело непростое – но раскрываемое...

Разговор на минуту прервался, ровно на то время, пока Олег Плахович отчитал сотрудника мобильно-сотовым способом, с видом человека постоянно окруженного бездельниками и тунеядцами, не умеющими не только работать, но и толком жить. Ваша покорная слуга также, не теряя времени, успела покопаться в домашних заготовках, то есть в написанных на листочке тридцати трёх Умных Вопросах, из которых было десять важных, десять не столь важных и десять – чтобы время потянуть, если что. А также ещё три, записанных так, что и я сама не всегда могла прочитать, что там.

Толка в этих вопросах обычно никакого, но, когда они написаны и их много, я чувствую себя куда более уверенно.

– Я хотела бы спросить вот что... – начала было я нерешительно по поводу вопроса номер три, с которого решала начать свое восхождение к вершинам журналистики, но не успела: руководитель Отдела опять взял нить беседы под своё полное командование.

– Я понимаю ваши вопросы, – решительно отрезал он рукой, не выслушав ни одного, – и во многом разделяю ваше мнение. Вы имеете полное право так считать. Но мы, работники прокуратуры, должны действовать строго в рамках закона и сложившейся правоприменительной практики. Да, долгое время статья «Жестокое обращение с животными» была неработающим элементом законодательства. Мы ни в коей мере не складываем с себя ответственность за это. Однако, непроработанным Законодателем оставался вопрос о мере и степени ответственности граждан за нанесение морального вреда животным. Теперь в этом вопросе есть полная ясность.

Человек «Рендж-Ровер» залез в автомобиль и, порывшись там, достал и потряс перед моим лицом увесистой пачкой бумаг. *«Методическое указания Ленинградского института*

прокураторы» – прочитала я колонтитул. *«Методически указания по расследованию преступлений связанных с возбуждением вражды против животных по мотивам расовой и межвидовой ненависти»* – зачитал он заглавие документа. – Наконец-то есть устанавливающие порядок расследования таких дел документы, разъясняющие в том числе и методики оценки наносимого животным морального ущерба.

– А разве животному можно нанести моральный вред? – тихо спросила я.

Прокурор посмотрел на меня снисходительно, как на маленькую.

– Моральный вред, уважаемые представители прессы, – (прокурор почему-то начал обращаться ко мне во множественном числе), – можно нанести даже фонарному столбу. Иначе бы не было в народе поговорки: «До...» ... – начальник замолчал, сделал в воздухе неопределенный жест рукой, потом такой же, но уже поперёк первого, и закончил мысль: – Ну, вы знаете её: «Даже к фонарному столбу.»

Поговорку я знала.

– Если с физическим ущербом всё было ясно: «Нарушил – Отвечай», то вопросы морального ущерба были разъяснены на примере и после известного сочинского дела. Вы помните, конечно, сочинское дело? – начальник посмотрел на меня так же строго, как проверочная таблица в ГАИ на экзамене.

Я не помнила.

– Напоминаю, – дидактично размолил начальник Отдела, – Как вы помните, в 2010 году Прокуратурой Краснодарского края расследовалось прецедентное дело козла по кличке «Козёл», позже оказавшегося козой, в отношении которого установленная прокуратурой группа лиц переместила в пространстве с помощью парашюта, предположительно, из хулиганских побуждений, или безмотивно. Поскольку физического ущерба козлу, позже оказавшемуся козой, как показала комплексная ветеринарная экспертиза не было выявлено, ясно, что ответственность наступила за факт нанесения морального ущерба козлу (Забыл добавить: «Позже оказавшемуся козой» – машинально отметила я). Только непроработанность вопроса морального ущерба в отношении животных не позволила тогда привлечь виновных к уголовной ответственности, хотя все они были выявлены, дали признательные показания, и были полностью изобличены следствием. И если раньше мы не знали, как определить факт нанесения животному морального ущерба, в связи с отсутствием методик, то теперь есть четкие объективные критерии: сниженный аппетит, преждевременная линька, пониженная прыгучесть...

Я вспомнила про мой пропущенный завтрак, и поняла что моя прыгучесть тоже вскоре снизится, если я срочно не поем.

– Товарищ начальник, а за физический ущерб животным вы... караете? – наконец осмелились я задать свой вопрос.

– Очень строго и принципиально. – (Характерный жест рукой подсказал мне, что сейчас последуют ещё полчаса разъяснений) – Так, только в прошлом году органами прокураторы...

– Товарищ начальник. – оборзела я окончательно, – А вот рядом, – (рядом стояла черная неслабая Бэха явная выдававшая как минимум заместителя Прокурора) – Это же машина вашего сотрудника?

– Точно так, – напрягся Начальник в уперся в меня взглядом как в подследственную.

– А вот посмотрите внимательно: у него в радиаторе тут мертвый воробушек...

Наступило долгое тягостное молчание. Человек-Ровер вначале покраснел совсем, затем из красного сделался серого цвета, глаза его сузились и с минуту излучали только государственную мудрость. Он подошел вплотную к ноздрям Бэхи, присел на корточки и, недвижно и с полным пониманием всей серьёзности возникшей ситуации с минуту смотрел на маленькую мертвую серую птичку.

Вороны на липах вокруг прокуратуры даже перестали каркать, и с интересом повернули клювы в сторону прокурора.

– Вне всякого сомнения, мы передадим это факт с целью проведения служебного расследования, – наконец промолвил слово Начальник. – Однако, я хотел бы напомнить прессе, что защита невиновных столь же важная задача прокуратуры и прокурорского надзора как и наказание преступников. В частности, для полноценного расследования факта важно, был ли воробей жив, когда попал в радиатор, или был к этому моменту мёртв. Возможно также, что его подкинули. Я не исключаю провокаций. Для этого мы должны привлечь экспертов, как лиц обладающих специальными знаниями, и провести эксгумацию тела птицы и экспертное исследование, по всей форме. Но мы несомненно доложим прессе о результатах этого расследования и принятых по данным фактам мерах

Человек-Ровер вновь принял лицом свой привычный цвет, задумчиво стер с лобового стекла своей машины разбившегося жука, пробормотав загадочные слова: «Сто девятая...», после чего не прощаясь и более не глядя в мою сторону сел в машину, буксанул напоследок на месте, и скрылся за перекрестком, подняв небольшое облако пыли.

– Почему все они так резво ездят и так лихо стартуют, – подумалось мне, – Тут же вообще некуда ездить, зачем такой экстрим! – Но я не стала никого спрашивать об этом, так как каким-то образом поняла, что это будут им немного обидно. Журналисты – они же догадливые.

Теперь... Надо было пообедать, но...

– Товарищ журналист, товарищ журналист! – издали раздавался громкий обеспокоенный голос женщины, которая почти что бежала ко мне по четной стороне улицы, иногда слегка натываясь на дорожные знаки и фонарные столбы, но не теряя из виду ориентир, то есть меня. Более того: следом за ней бежала ещё одна, поодаль, только очень медленно, ноги её как бы шли пешком, а тело все было устремлено совершенно вперёд.

Что-то мне подсказало что с обедом у меня опять облом. Так можно и поинять не вовремя.

Да, так и есть. Я попала в руки экологических активистов, а оттуда сразу так люди живыми не выходят.

Лидия Сергеевна начала агитацию и пропаганду даже не отдышавшись.

– Мы – за толерантность, – поведала она мне сразу. – Нас очень радует, что в Совете Федерации слушается «Национальная концепция действий в интересах животных». Это исторический документ, он даст нам наконец Инструменты.

Лидия сверкнула в меня стёклами очков, чтобы я осознала серьезность исторического момента.

– Наконец, мы сможем положить конец геноциду животных. Мы поставим заслон...

– Вчера, кажется, ваш заслон кончился дракой?

– Мы... Мы здесь толерантно относимся к дракам. Ой, да у нас драки... Подерутся, и пиво идут пить потом вместе. У памятника Ленина, у райисполкома каждую субботу махаются, после дискотеки. Но вот хомяков – Хомяков мы не дадим обижать. Нет, не дадим!

В голосе экологической активистки появились героические оттенки. Не знаю как, но собравшись вдвоем женщины сразу стали походиться на массовый экологический пикет.

– Иногда мне кажется, что вам всякие кошки собаки тараканы дороже людей, – неосмотрительно спросила я.

Экологическая активистка ужаснулась.

– Вы совершенно недооцениваете важность борьбы за права животных! Сегодня вы пренебрегаете правами Хомяков. А завтра сбрасываете сточные воды в Северский Донец, и губит там Рыбу! Рыбу!!! А потом... Понимаете... Вы же не представляете, как мы жили до этого. Мы прозябали, а не жили. Хомяк преобразил наш город, он сделал его знаменитым. Хомяк – главное событие десятилетия в нашем райцентре. Да что десятилетия! У нас последние сто лет, со времен приезда в наш город в 1918 году товарища Артема ничего такого не случилось! В нашем Краеведческом музее за эту неделю побывало столько же человеко-посещений как за посещение три календарных года!. Приезжал сам Губернатор! Два часа у нас был тут, обошел каждый дом, на вертолёте прилетал, обещал построить спортивную площадку с сеткой, открыть музей ГУЛАГ-а... Я уверена – теперь у нас в городе будет Центр Толерантности! И все это – только благодаря Хомяку! Только благодаря Хомяку! Благодаря нашей выдающейся непримиримой борьбе за его права, за права животных. Я вам скажу больше.

В глазах активистки возник торжественный блеск, обещающий что-то невероятное.

– Мы выступает за то, чтобы на главной площади города власти поставили памятник Хомяку Тёме. Без него мы бы никогда не вышли из этого вечного запустения.

– Но там же Ленин? – возразила я.

– Напротив, напротив, – примирительно захлопотала Людмила Ивановна, – Напротив Ильича! Представляет, как красиво? А пусть Ильич указывает рукой на Хомяка Тёму. А Тёма

лапкой на Ильича. И потом – сравните: что сделал для нашего города Ленин, и что сделал Хомяк?! Разве можно это сравнивать?!

Последние прозвучало как окончательный и решительный аргумент, снимающий все вопросы. Памятнику – быть, поняла я. Ильич потерпит.

– Возможно, – голос активистки задрожал, и она почти заплакала, – К нам даже приедет Касьянов!

– Каспаров, – поправила её вторая, в сломанных очках, оказавшаяся той самой легендарной Карлой Лазаревной, и они немного поспорили.

– Но Ильича мы тоже уважаем, уважаем, – активистка испуганно заглянула мне в глаза, как бы гадая, а вдруг я комуника?

Вопрос с моей политической ориентацией прояснить не удалось: справа от нас, прямо у парадного входа в Прокуратуру резко тормознул ментовский уазик. (Почему они всегда так резко тут тормозят?).

– Да не кидался я дохлыми воробьями, млин, в ваши машины, что я, совсем дурак, что ли!

Из машины выгрузили синюшного вида человека в грязной одежде. Человек ругался.

– И наручники ослабьте, гады. Все руки затекли!

– Ща я тебе дам «гада», – незлобно пообещал круглолицый милиционер, и повел подозреваемого в чрево Дворца Закона. – Вон, у тебя вся одежда в вещдоках, перистый ты наш. Ща тебе будут воробьи да галки, голубок.

Поняв, что надо делать ноги, пока мне самой не определили тут процессуальный статус, я потихоньку отошла на цирлах, оставив активисток наблюдать за очередным вопиющим нарушением прав и свобод человека и гражданина, и скрылась.

Оставалась девочка. Адрес был известен, и я просто позвонила в дверь. Мне открыла мама с печальными глазами. Мне позарез нужно было фото девочки с хомяком. Меня бы убили если бы я не привезла фото девочки с хомяком. Все было бессмысленно без фото. Мне так и сказали: «Без фото не возвращайся». (Но денег на обратный билет правда дали.)

– Я Юлия Петровна, из «Хомяковской правды» Я очень бы хотела поговорить с вашей дочерью, – завела я шарманку сделав маме настолько несчастные глаза, насколько натренировалась на своей, ну, в своё время, конечно.

Мама, ничего не сказав, утонула куда-то вглубь бесконечного тёмного коридора. За её спиной обнаружилась дочь с такими же грустными глазами.

– Зря она открыла, – утомленным голосом промолвило дитя, – Вы задолбали уже. Капец.

Я объяснила всё про фото. Про хомяка. Про то, что меня уволят, и то, что тогда я умру, а она будет виновата.

– Ну и вешайтесь, мне-то что, – ответило дитяtko.

Оставался последний шанс. Я достала айфон, и показала прямо в лицо этому жестокому организму.

– Отдаю за фото с хомяком.

Честно сказать, айфон был не нов, я давно хотела новенький, бла-бла-бла, а тут такой шанс – и новый айфончег нанюю, и материльчег крутой заодно.

Девочка постояла в двери, глядя на телефон, и стала всё грустней, грустней, грустней, и наконец заплакала.

Этого я не ожидала.

– Нет никакого хомяка, – сказала она вытирая слёзы, – Я Таисию Сергеевну толстой жопой обозвала, а потом сказала, что это я про хомяка. А она на меня заяву накатала. А хомяка у меня нет, он сдох зимой. А дурак из прокуратуры, Крысин этот, сказал что я его прячу, чтобы не отняли, но он его всё равно найдет.

Девочка снова попыталась заплакать, но у неё не получилось.

Мир рушился. Задание сорвано. Мне не подарят не то что айфон, а даже верёвку. Поняв друг друга, мы молча простились. Медленно – тук-тук – стучу каблуками по лестнице, переживая о своей бессмысленной жизни.

– Хорошо, что папа тоже умер, – вдруг услышала я гулкий глас сверху, когда уже прошла целый пролет, – и не видит всего этого.

Дверь захлопнулась.

Вечерело. У памятника Ленину, за цветочной клумбой пацаны с расстановкой оттачивали хук слева друг по другу. Ильич, хитро прищурившись, показывал рукой на здание, где вскоре, наверное, откроется клетовский Центр Толерантности и Музей ГУЛАГа, (ведь губернаторы не врут). Поодаль, клетовчане и клетовчанки под надзором усиленного пикета полиции митинговали за и против хомяка. «Клетовцы против клеток!» – скандировали первые. «Каждому коту – с утра по хомяку!» – бодро и цинично перекрикивали их кричалками вторые. Поодаль чернелась группа казаков, которые, по всем признакам, давно готова была навалить и тем и другим, и лишь подозрительно поглядывала на ментов, не зная в точности их планов. Три автозака в переулке и полицейский вертолет в небе внушали уверенность гражданам в силу Вертикали и незыблемость Верховной Власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.